

АПОРЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА РАЗУМА И КРИЗИС ФИЛОСОФИИ

Азарова Ю.О., Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

Жак Деррида – французский мыслитель, историк философии, основатель проекта деконструкции. Подвергая критике метафизическую традицию, Деррида в ранних работах анализирует философские проблемы логоцентризма, а в поздних – социальные и культурные последствия западного рационализма.

Наиболее полно деконструкцию социальных, правовых и политических аспектов рациональности иллюстрирует последний текст Деррида «Хулиганы: два эссе о разуме», где обсуждается сложный и парадоксальный вопрос о том, *«каким образом разум может иметь интересы, если он незаинтересованный?»*.

Это ключевой вопрос западной философии от Канта до наших дней. Он связан с самой сущностью философии как интеллектуального предприятия, т. к. разум определяет онто-телеологический идеал философии, ее развитие, направление и цель.

«Под архитектурой, – пишет Кант, – я понимаю искусство построения системы. Поскольку знание только благодаря систематическому единству становится наукой, т. е. из простого агрегата знаний превращается в систему, то архитектоника есть учение о научной стороне наших знаний вообще и, следовательно, она необходимо входит в учение о методе».

Архитектоника задает системность знания как принцип науки. «Под системой, – продолжает Кант, – я понимаю единство многообразных знаний, объединенных одной идеей. А идея есть понятие разума о форме целого, поскольку им априори определяется объем многообразного и положения частей относительно друг друга».

Размышляя о системе, Кант подчеркивает, что «схема, начертанная, согласно эмпирическим соображениям, дает лишь техническое единство, а схема, построенная согласно идее (когда разум априори указывает цель, а не эмпирически ее выстраивает) создает архитектурное единство».

Деррида полагает, что интерес разума состоит не в системности или тотальности, а в свободе. Поэтому, подвергая критике логоцентризм, Деррида говорит не только о множестве рациональностей, но и *об апоретической природе самой рациональности*. Здесь он фиксирует парадигмальное отношение между разумом и свободой.

Деррида отмечает, что разум, традиционно квалифицируемый как базовый принцип человеческого бытия, со временем абсолютизируется и возводится в ранг «законодательной инстанции». Именно разум судит – одобряет или отвергает – всё принадлежащее культуре. То, что не вписывается в рамки, установленные разумом, объявляется ненужным или маргинальным, а затем вытесняется на периферию. К концу XIX – началу XX века разум постепенно унифицирует истину насилием.

Такой разум, принимающий разнообразные лики, – «индустриальный разум» (как называет его Т. Адорно), «калькулятивное мышление» (М. Хайдеггер), «дисциплина» (М. Фуко), «логоцентризм» (Ж. Деррида), становится фактором, усугубляющим тотализирующие тенденции.

Авто-имунный процесс, – продолжает Деррида, – возникает не только в разуме, но также в том социальном, политическом, институциональном, правовом организме, который использует репрессивный ресурс рациональности. Это – наиболее серьезный аргумент Деррида против безграничного доверия к разуму.

Тему здоровья и болезни разума, конечно, затрагивает и Гуссерль. В работах «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» и «Кризис европейского человечества и философия» он пишет о *трансцендентальной патологии*, о болезни спекулятивного знания и о том, что выход из такого состояния крайне проблематичен.

Болезнь разума – это болезнь *объективизма*. Притязая на истину, универсальность и объективность, разум забывает о происхождении знания из субъективных, исторических актов. Чистый объективизм – это наивная иллюзия. Кант и многие последующие философы пытаются решить данную проблему, но не достигают позитивного результата.

Трудность состоит в том, что трансцендентальная иллюзия – это не просто ошибка или случайность, от которой легко можно избавиться. «Крах веры в универсальную философию, – подчеркивает Гуссерль, – означает также крушение веры в разум». Теперь не только философия, но и наука как символ прогресса, утрачивает свою телеологическую роль. «Кризис философии совпадает с кризисом наук Нового Времени, понимаемых как звенья философской универсальности».

Этот кризис, – продолжает Гуссерль, – есть следствие выбора, который Европа делает еще в античности. Философы Древней Греции, установив первостепенное значение рефлексивного мышления в жизни человека, объективируют теоретический результат, представляя идею как непосредственную сущность Бытия. Далее, от Ренессанса и по XX век включительно, такая объективация становится генеральной линией развития европейской цивилизации.

Сегодня человечество пожинает плоды абсолютизации разума, который, представляя свои результаты как идеальные объекты, фактически *отчуждает* мир от индивида. «Легализация» подобного отчуждения выражает истинную сущность кризиса европейской культуры.

«Я уверен в том, – резюмирует Гуссерль, – что кризис Европы коренится в заблуждениях рационализма». Однако «причина затруднений рациональной культуры заключается не в самом рационализме, а в его *овнешнении*, в его *извращении* ... *объективизмом*». Поэтому нам нужно переосмыслить историю и отказаться от абсолютизации разума.

Поскольку сегодня подчинение принципу всеобщего, универсального и абсолютного привело Европу к кризису, то нам нужно обратиться к историческому, конкретному, индивидуальному опыту. Это необходимо сделать, – подчеркивает Деррида, – не для того, чтобы еще раз перевернуть оппозицию и отдать приоритет одной из сторон, а для того, чтобы схватить *тонкий момент «между»*, который эксплицирует суть современной проблематики разума.

Тонкий момент осцилляции, который подвешивает, приостанавливает, деконструирует традиционные философские оппозиции типа объективное – субъективное, универсальное – уникальное, трансцендентное – имманентное, абсолютное – конкретное, *etc.*, позволяет Деррида предложить то, чего не могли сделать Кант и Гуссерль.

Это иное отношение, не редуцируемое к классическим оппозициям, дает разуму новый шанс определять свои интересы, избегая негативных последствий. Именно так Деррида проводит деконструкцию классического рационализма и его институциональных моделей.